

Кондратий Биркин

**Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика
XIV**

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Временщики и фаворитки

Кондратий Биркин

**Анна Австрийская. Кардинал
Мазарини. Детство Людовика XIV**

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Анна Австрийская. Кардинал Мазарини. Детство Людовика XIV / К. Биркин — «Public Domain», 1870 — (Временщики и фаворитки)

«Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначенной Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибравшего и всю Францию к рукам...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Кондратий Петрович Биркин

Анна Австрийская. Кардинал

Мазарини. Детство Людовика XIV

Семейство Манчини. – Герцог Бофор. – Ретц-Гонди. – Герцог Эльбеф. – Герцог Буйон. – Принц Конти. – Графиня де Лонгвиль. – Принц Конде (1643–1651)

Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначенной Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибившего и всю Францию к рукам. Владычеством Ришелье это королевство было обязано слабоумию Людовика XIII; Мазарини попал во властители государства благодаря сердечной слабости Анны Австрийской... Разница между обоими кардиналами до того огромна, что их невозможно и сравнивать.

Джулио, или Юлий, Мазарини родился в Писсине (Абруцкой области) 14 июля 1602 года. Отец его Пьетро и мать Гортензия Буфалини принадлежали к хорошим дворянским фамилиям. Первоначальное образование Юлий получил в одной из римских семинарий и в юношеских летах продолжал свое учение в Испании, сопровождая туда аббата Иеронима Колонну. Три года молодой Мазарини слушал лекции в Алкале и в Саламанке. Он возвратился в Рим в 1622 году, когда иезуиты намеревались отпраздновать представлением трагедии причисление к лику святых их патрона Игнатия Лойолы. Главная роль была дана Юлию Мазарини, и он сыграл ее с блестящим успехом. Недурной дебют для будущего дипломата! Сценическое дарование юноши обратило на него внимание кардинала Бентиволио, который принял его к себе на службу простым служкою; но, как видно, в этой ничтожной должности Юлий сумел выказать свои дарования. Бентиволио рекомендовал его кардиналу Барберини, племяннику папы Павла V.

– Препоручая этого молодого человека вашему благосклонному вниманию, – сказал он при этом, – я надеюсь отплатить вашей эминенции за все благодеяния, оказанные мне вашим семейством.

– Благодарю за подарок, – отвечал Барберини. – Имя этого юноши?

– Юлий Мазарини.

– Но если он такой способный и дельный малый, почему же вы не хотите оставить его у себя?

– Я недостойн иметь его у себя в услужении.

– Хорошо, я его беру; но на что же он способен?

– На все, ваша эминенция.

– Прекрасно. На первый же случай мы отправим его в Ломбардию вместе с кардиналом Джинети.

И таким образом Мазарини начал свое дипломатическое поприще. В 1629 году он принимал деятельное и успешное участие в качестве уполномоченного интернунция при дворах Франции с Савойею в Сузе. В 1630 году с дипломатическими поручениями он был в Лионе, где представлялся Людовику XIII. Кардинал Ришелье провел более двух часов в беседе с молодым

итальянцем и отозвался о нем, что это единственный государственный человек, которого ему доводилось встретить. Само собой разумеется, что в течение этих двух часов Ришелье успел привлечь Мазарини на свою сторону и приобрел в нем ревностного приспешника интересам Франции. Война с Испанией была тогда в полном разгаре. Мазарини удалось склонить воевавшие стороны к шестинедельному перемирию, а при возобновлении военных действий он имел храбрость выехать верхом между выступившими друг против друга войсками и, невзирая на свистевшие мимо него пули, кричал, махая шляпой: «Мир!!» Маршал Шомберг, видя из условий, предложенных Юлием Мазарини, что выгоднейших невозможно было бы и выговорить даже после самой победы, решился заключить мир, который через два часа был подписан в Кераско. О том, какими глазами смотрели в эту эпоху на Юлия Мазарини европейские дипломаты, читатель может судить по следующему о нем отзыву венецианского посланника Сагрето:

«Ясновельможный синьор Джулио Мазарини обладает приятной наружностью и хорошо сложен; вежлив, ловок, бесстрастен, неутомим, сметлив, прозорлив, скрытен, умеет молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно; не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату; первый его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела; на театре света он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он, если не ошибаюсь, еще долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен ограниченным его состоянием».

Пророчество посланника Сагрето сбылось в 1634 году. Ришелье, пригласив Мазарини во Францию, назначил его вице-легатом в Авиньоне. В 1639 году он ездил в Савойю в качестве чрезвычайного посла; наконец 16 декабря 1641 года был наименован кардиналом и 25 февраля следующего года получил шапку из рук короля Людовика XIII. Ришелье на смертном одре указал ему на Мазарини как на благонадежнейшего чиновника, и король, назначив в посольство королеве-правительнице государственный совет под председательством принца Конде, назвал кардинала Мазарини одним из его членов; прочими были: кардинал Сегье, суперинтендант Бутийе и государственный секретарь Шавиньи. Гастон Орлеанский, наименованный главным попечителем дофина, был, однако же, подчинен королеве и государственному совету. Умиравший король особенно не доверял ни ему, ни своей супруге. Когда Шавиньи вздумал оправдывать перед Людовиком XIII Анну Австрийскую от всех взводимых на нее напраслин, король отвечал:

– В моем теперешнем положении я должен ее простить, но верить ей все-таки не могу.

Действительно, он был прав, отзываясь подобным образом о своей супруге. Находясь при последнем издыхании, он убедился в ее коварстве. Двор разделился на две партии: Вандома и ла Мейльере. Вандом, побочный сын Генриха IV, во времена оны был губернатором Бретани, где вместе со своим братом приором был арестован по делу Шалэ. Кардинал Ришелье назначил губернатором, на место Вандома, маршала де ла Мейльере. Семейство Вандома протестовало, называя поступок Ришелье противозаконным, произвольным, а сын бывшего губернатора герцог де Бофор заявил, что он тотчас после смерти короля овладеет отцовским местом, хотя бы пришлось прибегнуть к силе. Кроме партий двух претендентов на губернаторство, существовала третья, партия Орлеанского. Анна Австрийская взяла сторону герцога Бофора и, называя его честнейшим человеком во всем королевстве, доверила ему интендантство Нового Замка (Chateau-Neuf), в котором находились король и герцог Анжуйский.¹ Это своевольное распоряжение, еще при жизни короля, возбудило в нем крайнее негодование и навлекло на королеву ненависть принца Конде и герцога Орлеанского... Через два дня Людовик XIII скончался. Из всего его семейства и всего двора при трупе осталось только три человека для оказания покойному последних услуг: Карл Амедей Савойский, герцог Не-мур, маршал Витри и маркиз де

¹ Младший сын Людовика XIII и Анны Австрийской родился 21 сентября 1640 года.

Сувре. Они присутствовали при вскрытии, омовении, одевании и положении Людовика XIII на парадный одр. Королева со своими дамами удалилась в старый замок, в котором находились и ее дети. Придворные группировались около герцога Орлеанского, ла Мейльере и герцога Бофора. Последнему Анна Австрийская поручила попросить к ней герцога Орлеанского. Принц Конде, желавший за ним последовать, был остановлен Бофором.

– Королева могла бы прислать капитана своих телохранителей, а не вас, – заметил обиженный Конде. – Вы и должности никакой не занимаете.

– Я исполнил приказание королевы, – отвечал Бофор, – и во всей Франции нет человека, который осмелился бы запретить мне повиноваться королеве.

Следствием этого столкновения была непримиримая ненависть между принцем Конде и герцогом Бофором.

17 мая парламент признал Анну Австрийскую правительницей, с предоставлением ей совершенной свободы при выборе сотрудников и помощников в великом деле государственного управления. Эта статья парламентского указа низводила всех членов государственного совета, назначенных покойным королем, на степень подчиненных воле Анны Австрийской. Все были уверены, что ни Мазарини, ни Шавиньи не удержатся на своих местах и немедленно будут уволены. Тот и другой обедали у командира де Сувре в самый тот день, когда весь двор полагал, что Мазарини готовился к отбытию в Италию. Когда после обеда хозяин и гости сели за карты, вошел в комнату Беринген, первый камер-лакей королевы. Передав свои карты одному из гостей, Ботрю, кардинал поспешно подошел к посланному и отвел его в сторону.

– Добрая весть! – шепнул Беринген.

– Какая?

– Ее величество неизменно благоволит к вам.

– От кого вы это знаете?

– Я слышал, как господин де Бриенн говорил, будто королева желает назначить вас первым министром.

– Вот как! Что же сказал де Бриенн?

– Он сказал королеве, что если правительству нужен первый министр, то выбор на эту должность вашей эминенции не оставит желать ничего лучшего; что вы и человек опытный в делах, и самый верный подданный ее величества.

– А Бриенн ручался за меня?

– Сказал, что за ваше повышение вы оплатите королеве благодарностью и неизменной преданностью. Государыня выразила только опасение, не связаны ли вы с какой-нибудь из придворных партий.

Мазарини усмехнулся.

– Благодарю вас, господин Беринген, за сообщенные мне сведения. При случае надеюсь достойным образом наградить вас. Камер-лакей медлил уходом.

– Я еще не все сообщил вам, – сказал он нерешительно. – Я пришел к вам не сам от себя...

– От кого же?

– От королевы.

– А, это другое дело. Досказывайте же.

– Разговор с де Бриенном передан мне самой королевой, для сообщения вам. Кроме того, она желает знать: может ли она в случае надобности верно на вас рассчитывать, как на надежную опору?

– Скажите ее величеству, что весь я принадлежу ее интересам. Хотя мне следовало бы обо всем сообщить моему другу Шавиньи, но я сохраняю все дело в тайне, как и сама королева...

– Ваша эминенция, не напишете ли вы всего этого сию же минуту?

– Этого нельзя, потому что хозяин и гости могут подумать...

– Долго ли написать карандашом, – сказал Беринген, подавая свою записную книжку и карандаш. Мазарини написал четким своим почерком:

«Иной воли у меня никогда не будет, кроме воли государыни. Теперь же от всего сердца отступаю от тех выгод, которые предоставлены мне духовным завещанием короля,² полагаясь на беспременную доброту ее величества королевы. Писано собственною моею рукою. Ее величества покорнейший, подданный и признательнейший раб ее Юлий, кардинал Мазарини».

Беринген вручил королеве это обязательство, начертанное кардиналом в его записной книжке; Анна Австрийская отдала ее на сохранение графу де Бриенну. На другой же день Мазарини был назначен председателем государственного совета. Эта милость и неограниченное доверие королевы к кардиналу пробудили давно умолкнувшие слухи о связи Анны Австрийской с Мазарини, существовавшей будто бы при жизни короля, с 1635 года. Нашлись злоязычники, утверждавшие, что дофин Людовик и брат его герцог Анжуйский – сыновья Мазарини; впоследствии, когда по всей Франции пронесся слух о таинственной железной маске, тысячи уст утверждали, что несчастный узник Бастилии не кто иной, как побочный сын Анны Австрийской от кардинала Мазарини. Время разоблачило клеветы завистников первого министра, и на основании несомненных данных можно сказать, что кардинал интимно сблизился с Анной Австрийской только в год кончины Людовика XIII (1643), когда вместе с ее нежным сердцем она доверила его рукам кормило правления. Не скрывая своего расположения к кардиналу, королева старалась уверить всех своих приближенных, что ее отношения к Мазарини самые безукоризненные, а беседы с глазу на глаз касаются вопросов государственных и религиозных о спасении душевном... В характере Анны Австрийской в эту эпоху проявились черты того лицемерия и ханжества, которые вскоре привились во французском обществе второй половины XVII века; черты, память о которых на веки вечные сохранится в потомстве благодаря мольеровскому Тартюфу. Нравственная эпидемия иезуитского ханжества в царствование Людовика XIV быстро распространилась по всей Франции, угрожая в будущем самыми плачевными последствиями. Таковыми были: отмена Нантского эдикта и безобразное настроение духа всего французского общества в последние годы жизни Людовика XIV. Риторические громы Боссюэта, Бурдалу, Массильона и Флешье нагнали на аристократию суеверную панику, сообщившуюся среднему и даже низшему классу. С Мольером, нисшедшим в могилу, театр утратил свое высокое нравственное значение, и эту кафедру, с которой Мольер громил общественные пороки, иезуитские проповедники – в свою очередь – провозгласили «сосудом дьявольским, орудием сатаны» и т. п. Мольер – комедиант, скоморох – мог смело сказать, что он до последней минуты был верен девизу: смех исправляет нравы (*ridendo castigat mores*); иезуиты-витии, наоборот, своими проповедями, заставляя Францию плакать, изуродовали общественные нравы, наложили на них вериги ханжества и фанатизма. Эпоха регентства (1715–1723 гг.) была обращением Франции от одной крайности к другой; но иначе быть не могло! Общество, утомленное напускным аскетизмом, изнуренное насильственным воздержанием, сбросило с себя власяницу, в которую его закутали иезуиты и явилось в наготе языческой вакханки, вознаграждая себя за долгий пост возмутительными вакханалиями и луперкалиями.

Вместо прежнего пепла вся знать посыпала себе голову ароматной пудрой; вместо недавнего сухоедения ударились в чревоугодие, пьянство, распутство; вместо покаянных воздыханий затянула неблагопристойные песни. На смену витиям явилась целая плеяда авторов, последователей Бокаччио и Аретина; явился Вольтер – бич ханжества и суеверия, и, не отделяя пшеницы от плевел, истины христианской от лжи иезуитизма, выжег из умов и сердец верова-

² Он слагал с себя звание члена государственного совета, чтобы быть первым министром. Обмен, как видит читатель, очень выгодный.

ния, к ним привитые... Где Мольер колол булавкою, там Вольтер рубил топором; первый старался отрезвить общество от иезуитского хмеля, второй – одно опьянение заменил другим...

Мольер для французского общества исхода XVII столетия был пиявицею, отсасывавшею у него вредные соки, привитые иезуитизмом; Вольтер для XVIII века был ядовитым аспидом: он язвил, но не исцелял, и вместо одного яда прививал другой; Мольер старался перестроить, Вольтер – разрушал, и все его произведения – протест нового поколения на заблуждения старого; он не был сеятелем революционных идей, а только пахарем, приготовившим почву для их восприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.